

КОНСУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ VS МЕЖПРЕДМЕТНАЯ ОМОНИМИЯ ТЕРМИНОВ В ЗАДАЧЕ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ОБЩЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Abstract: The problem of special lexis inclusion and representation in general dictionaries still remains open in contemporary lexicography. The article deals with one of the aspects of this problem – that is the difference between ‘consubstantial’ terms on one side and terms-homonyms on the other. Those differences are revealed through the examples taken from the general dictionaries of Belarusian language. It is also proposed how to represent consubstantial and homonymic special lexis in general explanatory dictionary.

Key words: Lexicography, special lexis, general explanatory dictionaries, consubstantial terms, terms-homonyms

Несмотря на все достижения современной лексикографии, которую часто рассматривают как синтетическую науку, оказывающую „непосредственное влияние на темпы развития и качество методических баз других наук и методологии науки в целом“ (Дубичинский, Метешкин 2005: 3), многие теоретические проблемы и практические задачи самой лексикографии по-прежнему не получили удовлетворительного решения. Среди них в условиях формирования информационного общества и перехода к обществу знания особое место занимают проблемы, связанные с лексикографированием языков для специальных целей. Здесь, прежде всего, необходимо выделить три основные группы проблем, существование которых обусловлено, во-первых, отсутствием единства в понимании такого рода подязыков; во-вторых, неопределенностью статуса элементов систем языков для специальных целей, подлежащих лексикографированию, и в-третьих, неопределенностью критериев отбора и включения специальной лексики в реестр с учетом особенностей ее описания в различных типах словарей как принадлежащих сфере научно-технической лексикографии, частью которой является терминография, так и в собственно филологических словарях, призванных отражать литературную форму общенародного языка.

В современном языкознании отсутствует единство в понимании языков для специальных целей. Большинство лингвистов склонно рассматривать их в рамках научного / научно-технического стиля речи, то есть как часть литературного языка. Тогда – отличие языков для специальных целей от об-

щеупотребительной части литературного языка – лишь функциональное, не случайно их соотносят с предметно-ориентированными подъязыками (Андреев 1967). Важным считается нормирование (жесткая кодификация, вплоть до стандартизации) языков для специальных целей (Авербух 2006), ведущая к снятию неоднозначности терминов: „в научном и техническом языке [...] контекст [...] не в силах справиться с многозначностью. Вот почему многозначность устраняется здесь, так сказать, до контекста. Каждый термин получает одно значение, т.е. с самого начала он приобретает ту однозначность, к какой в общелитературном языке слова приходят лишь в результате их реализации в контексте. [...] Вот почему упорядочение научной и технической терминологии является важной задачей“ (Будагов 1953: 19–20). Очевидно, что речь идет об устранении неоднозначности терминов в рамках каждой отдельной терминосистемы. Что касается элементов, образующих инвентарь систем различных языков для специальных целей, то, по общему мнению, центральное место среди них занимает терминология. Следовательно, именно термины подлежат лексикографированию в первую очередь. Тем не менее, разница в целях создания специализированных терминологических словарей в рамках терминографии, с одной стороны, и общефилологических словарей в рамках лексикографии, с другой, влечет за собой существенные отличия отбора и репрезентации терминологической лексики в этих различных по целям и по выбору адресата типах словарей. Так, специализированные терминологические словари стремятся отражать все многообразие терминов определенного подъязыка, включая составные, в том числе многокомпонентные, единицы, а общефилологические словари, как правило, включают односоставные термины и, в редких случаях, отдельные выражения, относящиеся к специальной сфере употребления. Этот факт отмечал, например, С. И. Ожегов: „Одним из сложных вопросов лексического состава словарей является вопрос о месте специальной терминологии в общих словарях языка. Речь идет главным образом о терминах – отдельных словах, так как составные термины (словосочетания), за исключением вошедших в общее употребление (типа *железная дорога*, *политическая экономия* и т.п.), обычно относятся к сфере узко специального употребления и, как правило, не принимаются в расчет при обсуждении терминологических вопросов в словарях“ (Ожегов 1974: 176).

При представлении терминов в общефилологических словарях необходимо помнить о том, что „многослойность“ значения специальной лексики не сводится „к бинарной оппозиции „специальное – неспециальное“ на семантической шкале развития профессиональных единиц“ (Шелов 2009: 210), учета требует также все еще слабо изученная динамика понятийного содержания термина. Действительно, ставшее традиционным в лингвистике противопоставление „слово – термин“ (Султанов 2007) не является строгим. Граница между терминами и общеупотребительными словами подвижна, проницаема, прежде всего потому, что термин, закрепляя научное и / или

профессиональное знание, одновременно несет в себе и знание собственно языковое, а также имеет определенную значимость в системе того языка, к одной или нескольким терминосистемам которого он принадлежит. Более того, полисемичные единицы языка могут объединять в своем значении как общеупотребительные частные значения, именуемые лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), так и специальные ЛСВ. Такая „неспециальная/специальная“ полисемия и обуславливает, прежде всего, свойство консубстанциональности специальной лексики.

Термин *консубстанциональность* „прижился“ в современном терминоведении с легкой руки профессора С. В. Гринева. Вот что он пишет по этому поводу в своем, ставшем уже хрестоматийным, „Введении в терминоведение“: „Во всякой терминологии (предметной области специальной лексики) непременно есть некоторое количество лексических единиц, которые встречаются как в обиходной, так и в профессиональной речи – так называемые „консубстанциональные“ термины, которые вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из „словарного состава языка“ (Гринев 1993а: 27). Действительно, существует целый ряд видов деятельности человека, относящихся, как правило, к наидревнейшим профессиям, терминология которых давно и прочно вошла в обиход человека, как и создаваемые в рамках такой профессиональной деятельности артефакты. Так, в своей уже цитированной выше работе С. В. Гринев отмечает: „В строительстве одним из наиболее важных свойств специальной лексики является ее чрезвычайная близость к общеразговорному языку. Это объясняется тем, что строительство является одним из древнейших видов человеческой деятельности, и жилище – такая же обиходная для человека вещь, как еда или одежда. Поэтому в серьезные специальные категории типологии сооружений, архитектурных элементов зданий и т.д. входят такие понятные всем термины, как: одноэтажные, многоэтажные, панельные, кирпичные здания; двери, окна, стены...“ (Гринев 1993а: 27). Вышеизложенное, в определенной степени, объясняет существование в языкознании представления о том, что каждое слово было некогда, в момент своего возникновения, термином, но не всякое слово затем сохраняет свой терминологический статус в языке, то есть, если следовать подобной точке зрения, то большинство обиходных слов языка возникло в результате процессов детерминологизации. Действительно, значительная часть общеупотребительной лексики восходит к терминам, утратившим свою научную новизну в силу общедоступности обозначаемых ими понятий, вошедших в массовое употребление. Ряд таких лексических единиц при этом сохраняет и свое терминологическое значение, что и приводит к развитию специфической (неспециальной / специальной) лексической полисемии. Зачастую это влечет в дальнейшем распад полисемии и формирование „вторичной“ консубстанциональности терминов, в силу существенных расхождений значений исходного слова в обиходном и специальном употреблении, и может являться источником межпредметной омонимии терминов.

Детерминологизацию можно считать одним из наиболее активных процессов пополнения общеупотребительной лексики и в наши дни, поскольку современные „интеллектуализированные“ языки „прирастают“, в основном за счет терминологических единиц (Авербух 2006: 42): давно подсчитано (Гринев 1993б), что свыше 90% новых слов составляет именно специальная лексика. Особый динамизм терминологических единиц, их способность перемещаться из одной сферы функционирования в другую, „от одного полюса употребления к другому“ (Паламарчук 1975: 23) отмечается многими лингвистами, но особенно лексикографами. Так, получившая распространение во многих языках экспансия англицизмов вначале затронула профессиональные сферы, а уж оттуда „выплеснулась“ в повседневное употребление. Причем это коснулось не только терминологии, но и профессионального просторечия.

Процессу детерминологизации в языке противостоит обратный процесс – использования общеупотребительной лексики для пополнения системы номинаций специальных понятий, т.е. процесс терминологизации общеупотребительных лексических единиц. Такой способ пополнения отраслевых терминологий, наряду с использованием „иноязычных, чаще всего интернациональных элементов лексики“ называет в качестве одного из традиционных способов Р. А. Будагов: „Как же образуются термины? Они создаются обычно [...] из уже существующих в литературном языке слов путем придания этим последним особого, дополнительного, терминологического значения.“ (Будагов 1953: 20). Принято считать, что чем больше информации, совпадающей со свойствами познаваемого объекта, содержится в значении общеупотребительного слова, тем выше вероятность избрания именно этого слова для обозначения терминируемого предмета или явления. Интересной, хотя и спорной, представляется точка зрения Н. З. Котеловой о том, что „почти каждое слово общего языка в потенции и реально в подъязыке – термин, так как все шире становится охват реалий разными отраслями знаний, появляются и новые отрасли“ (Котелова 1976: 41). Очевидно, что процесс терминологизации общелитературной лексики также способствует консубстанциональности, но, как правило, не влечет за собой (но и не исключает) межпредметной омонимии терминов.

Оба процесса (терминологизации и детерминологизации) связаны с процессами „вторичной номинации“, в основе которой лежит мыслительная способность человека воспринимать новые факты и понятия на фоне уже имеющейся информации. В этой связи уместным представляется термин „стилистическая транспозиция“, получивший хождение в работах украинских лингвистов (Струганец 2001 и др.) наряду с терминами „**терминологизация**“ и „**детерминологизация**“. Понятийный состав этого термина включает в себя динамичность процессов взаимодействия между общеупотребительной лексикой и терминологией не только в системе, но и в речи, в том числе закрепляемых в узусе. Так, к стилистической транспозиции термина можно

отнести и его употребление в прямом значении в неспециальных текстах, называемое также отдельными лингвистами „функциональной детерминологизацией“ (Непийвода 1983). Именно такое употребление можно считать первым шагом к собственно семантической детерминологизации, которая проявляется в формировании вторичных, переносных значений, которые и закрепляются в качестве неспециальных ЛСВ в общем объеме значения первично специальной лексемы.

Таким образом, в современной терминологической практике понятие „консубстанциональности“ фактически существенно прирастило свой объем (Сорокина 2011), в который теперь включаются как все случаи стилистической транспозиции, так и межпредметная полисемия терминов (а также, с точки зрения диахронии, и межпредметная терминологическая омонимия, возникшая как результат распада предшествующей полисемии). Существует точка зрения, согласно которой „полисемия у терминов, принадлежащих разным терминологиям, практически не мешает правильному их пониманию; обычно контекст исключает двусмысленность“ (Гаранина 1967: 13). Тем не менее, в случае консубстанциональности терминов контекстных различий может быть недостаточно, так как нужно еще и знание разных „ипостасей“ самого термина. Очевидной становится, в связи с этим, одна из прикладных задач толковой лексикографии, связанная с необходимостью представления в общефилологических толковых словарях: 1) омонимичных общеупотребительным словам специальных лексем; 2) всего набора ЛСВ полисемичной лексической единицы с учетом обиходного языкового употребления данного слова и всех „специальных“ значений, принятых в различных языках для специальных целей, в которых оно употребляется; 3) межпредметных терминов-омонимов.

Отметим, что в данной статье мы рассматриваем проблему консубстанциональности и межпредметной омонимии терминов лишь относительно односоставных лексических единиц. Однако известно, в том числе ранее показано нами на примере Толкового словаря белорусского языка (ТСБМ), что процессы терминологизации / детерминологизации характерны и для неоднословных лексических единиц (Рычкова, Чепикова 2011). Соответственно, проблема лексикографирования консубстанциональных составных терминов осложняется высокой степенью вариативности составных лексем в речи (о типологии и статистике таких вариантов см., например, Daile 2005). Вследствие вынужденной высокой степени неологизации лексики (Rey 2005), представленной в различных языках для специальных целей, консубстанциональность терминов приобретает особую актуальность при изучении и лексикографировании специальной лексики языков, которые по объективным причинам вынуждены „наращивать“ объем терминологического фонда. К таким языкам, вне всяких сомнений, следует отнести и белорусский язык.

Рассмотрим, как отражают консубстанциональность специальной лексики и межпредметную омонимию терминов два основных толковых сло-

варя белорусского языка (ТСБМ, ТСБЛМ). Для характеристики специальной лексики и в ТСБМ, и в ТСБЛМ используется единая, недифференцированная помета *спец.* (специальное). Помимо нее, применяется также помета *гіст.* (историческое), которой помечается как специальная лексика исторического характера, так и собственно историзмы, то есть слова ограниченного употребления, обозначающие исторические реалии. Составители ТСБЛМ в предисловии к словарю заявляют также помету *праф.* (профессиональное), однако фактически эта помета в словаре не используется. Стилистическая помета *спец.* может относиться: 1) к заглавному слову, тогда все ЛСВ этого слова считаются „специальными“; 2) к отдельному(ым) ЛСВ и к его (их) оттенку(ам) заглавного слова; 3) к оттенку значения при отсутствии пометы у ЛСВ, к которому относится помеченный оттенок; 4) к отдельной грамматической форме заглавного слова; 5) к его особой фонетической форме; 6) к составной терминологической единице (устойчивому сочетанию). Информацию о специальном характере словарной единицы можно получить также непосредственно из толкования, так как оно может содержать комментарий с указанием на сферу использования данной единицы в специальном значении (в редких случаях одновременно используются и помета *спец.*, и комментарий).

Для иллюстрации представления специальной лексики в вышеуказанных источниках, а также для выявления отличий между консубстанциональностью и межпредметной омонимией терминов, которые, как представляется, должны получить особую интерпретацию в словарях, рассмотрим произвольно выбранные из ТСБМ и ТСБЛМ примеры словарных статей для аналогичных лексем, в которых использована помета *спец.*, либо использован(а)/(ы) помета и / или комментарий в толковании к отдельному(ым) ЛСВ и к его(их) оттенку(ам):

Заглавное слово	Толкования в ТСБМ	Толкования в ТСБЛМ
База	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ніжняя апорная частка калоны, слупа ў архітэктурным збудаванні. 2. Аснова, тое галоўнае, на чым грунтуецца што-н. 3. Апорны пункт, месца, дзе засяроджаны якія-н. запасы, маюцца спецыяльныя збудаванні і устаноўкі для абслугоўвання чаго-н. 3*. Склад тавараў, матэрыялаў. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>спец.</i> Ніжняя апорная частка збудавання, калоны. 2. Аснова, на чым грунтуецца што-н, (кніжн.). 3. Апорн пункт узброеных сіл краіны на сваёй ці чужой тэрыторыі. 4. Установа, прадпрыемства і пад. па забеспячэнню або абслугоўванню каго-, чаго-н. 5. Склад, месца для захоўвання тавараў, матэрыялаў.

Цяга	<ol style="list-style-type: none"> 1. <i>Дзеянне паводле дзеясл.</i> цягнуць (у 1, 5, 8, 9 і 15 знач.) і цягнуцца (у 3, 4, і 9 знач.). 2. Рухаючая сіла, а таксама крыніца такой сілы, якая цягне. 2*. Сукупнасць тэхнічных сродкаў і машын (паравозы, электравозы і пад.), якія забяспечваюць эксплуатацыю рухомага саставу. 3. Рух газаў, дыму (галоўным чынам у топачных і вентыляцыйных канструкцыях), які выклікаецца рознасцю ціску. 4. Імкненне да чаго-н., прыхільнасць да каго-, чаго-н. 5. <i>спец.</i> Стрыжань, прызначаны для перадачы цягавых намаганняў ад адной часткі механізма да другой. 6. У архітэктуры: тынкавальны або каменны паясок, які падзяляе вонкавыя і ўнутраныя сцены, абрамляе столь і пано. 7. <i>спец.</i> Шлюбны палёт самцоў слонак (вальдшнепаў) пры пошуках самак. 7*. Паляванне ў час такога палёту. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сіла, пры дапамозе якой перамяшчаецца што-н., а таксама крыніца такой сілы (жывёла, машына, электрычнасць). 2. Рух газаў, дыму (звычайна ў топачных і вентыляцыйных канструкцыях), які выклікаецца рознасцю ціску. 3. <i>спец.</i> Стрыжань, які перадае рух ад адной часткі механізма да другой. 4. У архітэктуры: зроблены з тынку або каменны паясок, які падзяляе вонкавыя і ўнутраныя сцены, абрамляе столь і пано. 5. Імкненне, прыхільнасць да каго-, чаго-н. 6. <i>спец.</i> Шлюбны палёт самца слонкі ў пошуках самкі.
Ядро	<ol style="list-style-type: none"> 1. Унутраная частка плода (звычайна арэха), зерня або семя, пакрытая шкарлупінай, абалонкай. 2. <i>спец.</i> Унутраная, звычайна больш шчыльная частка чаго-н. 2*. У геалогіі: самая глыбокая і шчыльная ўнутраная частка Зямлі з радыусам каля 3500 км. 2**. У фізіцы: цэнтральная дадатна зараджаная частка атама, у якой практычна сканцэнтравана ўся маса атама. 2***. У біялогіі: важнейшая састаўная частка ўсякай расліннай і жывёльнай клеткі. 3. <i>перан.</i> Асноўная, найбольш важная частка чаго-н. 4. Сутнасць, аснова чаго-н. 5. Шарападобны каменны або чыгунны снарад ударнага дзеяння, які прымяняўся ў гладкаствольнай артылерыі ў 14-17 стст. 6. Металічны шар для спартыўных практыкаванняў у штурханні. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Унутраная частка плода, семя, пакрытая цвёрдай абалонкай. 2. Унутраная, звычайна больш шчыльная частка чаго-н. 3. <i>спец.</i> Важнейшая частка ўсякай расліннай і жывёльнай клеткі. 4. <i>перан.</i> Асноўная частка якога-н. калектыву, групы. 5. Даўнейшы гарматны снарад у выглядзе шара.

Полужирным шрифтом в таблице выделены номера ЛСВ, имеющих помету *спец.* и /или содержащих комментариев (комментарии также даются полужирным шрифтом). Цифрой со звездочкой обозначены оттенки значений ЛСВ.

Известно, что ТСБМ, издание которого завершилось в 1984 году, опирался на источники, опубликованные в 1951–1976 годах. Изданный позднее ТСБЛМ, как отмечают его составители в предисловии к словарю, во многом опирался на ТСБМ. Тем не менее, как видно из таблицы, наблюдаются существенные расхождения в оценке отдельных значений с точки зрения специалитета, исключены некоторые оттенки значений, а ряд из них переведен в разряд отдельных ЛСВ. Это подтверждает точку зрения В. В. Колесова о том, что „значение и оттенок – чисто лексикографические понятия, в узусе это синонимы“ (Колесов 2011: 21). Статьи с заглавным словом *Ядро* демонстрируют типичную неспециальную / специальную полисемию. Несовпадение наборов ЛСВ, по-видимому, объясняется разными принципами формирования реестров словарей. Консубстанциональность легко выводится из толкований и помет / комментариев, использованных составителями обоих словарей, все ЛСВ, хоть и в разной степени, но сохраняют общность значения. Статья с заглавным словом *База* в ТСБМ не содержит отсылки к специалитету, а в ТСБЛМ помету *спец.* имеет первый (исходный) ЛСВ. Эти статьи – яркий пример детерминологизации. На наш взгляд, составители обоих словарей допустили неточности при подаче первого ЛСВ, не отразив консубстанциональности термина, который именно в этом значении используется как в общелитературном языке, так и в языках для специальных целей. Помимо этой неточности, здесь, как и в статьях с заглавным словом *Цяга*, в состав ЛСВ попали явные, с точки зрения синхронии, омонимы: в случае ТСБМ, это третье значение для *База*, а в ТСБЛМ – три ЛСВ этого значения – № 3, 4, 5 (подается как оттенок значения в ТСБМ); для *Цяга* – это значения 3 (ТСБМ) и 2 (ТСБЛМ), 6 (ТСБМ) и 4 (ТСБЛМ), 7 (ТСБМ) и 6 (ТСБЛМ). Словарная статья со словом *Цяга* отражает также межпредметную омонимию терминов. На наш взгляд, в таких случаях необходимо использовать отдельные словарные статьи либо вводить зону омонимии. В обоих случаях целесообразно использовать также либо дифференцированную помету, либо комментарий, относящие омонимичные термины к конкретному языку для специальных целей.

СОКРАЩЕНИЯ

ЛСВ – лексико-семантический вариант

ЛИТЕРАТУРА

- Авербух 2006:** Авербух, К. Я. *Общая теория термина*. Москва: Изд. МГОУ. 252 с.
- Андреев 1967:** Андреев, Н. Д. *Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении*. Ленинград: Наука. 403 с.
- Будагов 1953:** Будагов, Р. А. *Очерки по языкознанию*. Москва: АН СССР. 280 с.
- Гаранина 1967:** Гаранина, Н. С. *Специальная лексика*. Москва: Изд. МГУ. 48 с.
- Гринев 1993а:** Гринев, С. В. *Введение в терминоведение*. Москва: Московский лицей. 309 с.
- Гринев 1993б:** Гринев, С. В. Терминоведение: Итоги и перспективы. // *Терминоведение*, Вып. 3, с. 5–13.
- Дубичинский, Метешкин 2005:** Дубичинский, В. В., К. А. Метешкин. Место и роль современной лексикографии в методологии науки. // *Слово и словарь*. Гродно: Изд. ГрГУ, с. 3–7.
- Колесов 2011:** Колесов, В. В. Труды и дни Ф. П. Сороколетова. // *Ф. П. Сороколетов. Избранные труды*. Санкт-Петербург: Наука, с. 17–27.
- Котелова 1976:** Котелова, Н. З. Семантическая характеристика терминов в словарях. // *Проблематика определений терминов в словарях разных типов*. Ленинград: Наука, с. 30–44.
- Непийвода 1983:** Непийвода, Н. Про поняття „детермінологізація“. // *Мовознавство*, № 5, с. 64–67.
- Ожегов 1974:** Ожегов, С. И. *Лексикология. Лексикография. Культура речи*. Москва: Высшая школа. 352 с.
- Паламарчук 1975:** Паламарчук, Л. С. Загальномовний словник і термінологія. // *Мовознавство*, № 3, с. 22–32.
- Рычкова, Чепикова 2011:** Рычкова, Л. В., И. А. Чепикова. Адлюстраванне фразеалагізацыі спецыяльнай лексікі ў тлумачальным слоўніку беларускай мовы. // *Славянская фразеология в синхронии и диахронии*. Гомель: Изд. ГГУ, с. 311–313.
- Сорокина 2011:** Сорокина, Э. А. О связи явления консубстанциональности слов с мышлением. // *Современное гуманитарное образование в социокультурном пространстве столичного мегаполиса*. Москва: Изд. МГПИ, с. 212–219.
- Струганец 2001:** Струганец, Л. В. Стилiстична транспозицiя лексичних одиниць сучасної української літературної мови. // *Науковий вісник Чернівецького університету*, Вип. 117–118, с. 105–117.
- Султанов 2007:** Султанов, А. Х. *Слово и термин. Прологомены к философии имени*. Москва: РУДН. 207 с.
- Шелов 2009:** Шелов, С. Д. Новая парадигма терминоведения: некоторые перспективы. // *Терминология и знание*. Москва: Изд. Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, с. 207 – 211.
- Daile 2005:** Daile, B. Variations and application-oriented terminology engineering. // *Terminology*, 11: 1, pp. 181–197.
- Rey 2005:** Rey, A. The concept of neologism and the evolution of terminologies in individual languages. // *Terminology*, 11: 2, pp. 311–331.

ІСТОЧНИКИ

ТСБЛМ: *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. Пад рэд. М. Р. Судніка і М. Н. Крыўко. Мінск: Выд. „Беларуская энцыклапедыя“ імя Петруся Броўкі, 1996. 784 с.

ТСБМ: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. Пад аг. рэд. К. К. Атраховіча. Т. 1–5. Мінск: Выд. „Беларуская савецкая энцыклапедыя“, 1977–1984.